

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности	8
Предисловие	9
Предисловие к русскому изданию	17
Глава I. Традиция критики права	25
1. Вводные замечания: “русская душа” и “дух закона”	25
2. “Юридическое мировоззрение”, его возникновение и крах в России	36
3. Критика права правыми	54
4. Критика права левыми	73
5. Федор Достоевский и Лев Толстой	97
6. Проблема права в русском марксизме: Плеханов и Ленин	109
Глава II. Борис Чичерин: “старолиберальная” ФИЛОСОФИЯ ПРАВА	135
1. Вводные замечания	135
2. Биографическая справка	140
3. Российская история и будущее России	149
4. Право и свобода	164
5. Право и цель	174
6. Право и нравственность	182
7. Место Чичерина в либеральной традиции	193
Глава III. Владимир Соловьев: религиозная свобода и возникновение “нового либерализма”	205
1. Вводные замечания	205

2. Биографическая справка	207
3. Философия Всеединства	217
4. Либеральная философия права и теократический утопизм	223
5. Деутопизация мышления Соловьева и его новая философия права	234
6. Место Соловьева в русской либеральной традиции	253
ГЛАВА IV. ЛЕВ ПЕТРАЖИЦКИЙ: ТЕОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРОТИВ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА	261
1. Вводные замечания	261
2. Биографическая справка	265
3. Школы философии права и задачи юриспруденции в России	276
4. Психологическая теория права и ее социологические основания	286
5. Право и нравственность	311
6. Социальный идеал и политика права	320
7. Восприятие идей Петражицкого	337
ГЛАВА V. ПАВЕЛ НОВГОРОДЦЕВ: НЕОИДЕАЛИЗМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА	355
1. Вводные замечания и биографическая справка	355
2. Идеализм и естественное право	365
3. Право и государство	379
4. Кризис юридического мировоззрения	386
5. Право, социализм и религия	399
ГЛАВА VI. БОГДАН КИСТЯКОВСКИЙ И ДИСКУССИЯ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	415
1. Вводные замечания и биографическая справка	415

2. Научный идеализм	422
3. К общей теории права.	430
4. Теория правового государства.	440
5. Российская интеллигенция и дух законов	453
6. Дух права и партия кадетов	469
ГЛАВА VII. СЕРГЕЙ ГЕССЕН: ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ СИНТЕЗ.	487
1. Вводные замечания	487
2. Биографическая справка	490
3. Философия ценностей и диалектический метод	497
4. “Правовой социализм” против марксизма.	508
5. Развитие правового государства...	526
6. Общая философия права	540
7. Вместо заключения.	554
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	558

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга никогда не была бы написана без моего первого учителя Сергея Гессена, которому я посвятил последнюю главу. Его труды и его живой образ в моем сознании служили неизменным источником вдохновения.

Во вторую очередь я должен поблагодарить двух британских ученых русско-еврейского происхождения, убежденных либералов: сэра Исая Берлина и покойного Леонардо Шапиро. Сэр Исая постоянно поддерживал мои исследования русской мысли и часто высказывался в том духе, чтобы я не забывал о «несчастных либералах, в равной степени жертвах истории и историков». Сходные пожелания выражал Леонард Шапиро, который энергично поощрял меня написать этот труд.

И наконец, хочу отметить отдел истории идей Австралийского национального университета, где я писал эту книгу. Я многим обязан его доброжелательной атмосфере и прекрасным условиям для работы. Дискуссии еженедельных семинаров отдела были очень полезны для содержания нескольких частей этой книги. Глава отдела профессор Евгений Каменка часто проявлял дружеский интерес к моей работе, и его концепция «трех парадигм права» доказала свою плодотворность для оформления и выражения некоторых из моих ключевых идей.

Стиль книги многим обязан правкам, которые внесла Элизабет Шорт, ассистент-исследователь отдела. Разумеется, ответственность за оставшиеся ошибки и неловкие выражения всецело лежит на мне.

Анджей Валицкий
Канберра,
ноябрь 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия редко ассоциируется с такими понятиями, как либерализм и право, поэтому может показаться, что книга о философских учениях права русского либерализма рассматривает весьма незначительный предмет. Тем не менее выбор мной этой темы был намеренно провокационным: я хотел показать, что в действительности либеральная интеллектуальная традиция в дореволюционной России была более развита, чем это обычно представляется, что основной интерес либеральных мыслителей России был направлен на изучение проблемы правового государства, что наиболее ценное наследие русского либерализма заключается именно во вкладе его в философию права, а также в то, что может быть названо дискуссией о праве, полемикой, в которой ценность права сама по себе представлялась спорной, требующей защиты, а не чем-то очевидным, само собой разумеющимся. Поэтому я решил сконцентрироваться на тех русских мыслителях — и профессиональных юристах и не являвшихся таковыми, — которые совмещали свои занятия в области философии права с более широкими философскими, религиозными и социальными интересами.

Меняет ли это ходячий образ русской интеллектуальной традиции как традиции, враждебной либерализму и праву, связанной с негативным отношением к закону — как слева, так и справа? Не до конца. В определенном смысле здесь даже подтверждается истинность этого распространенного взгляда, поскольку те либеральные мыслители, которых я рассматриваю в этой книге, мучительно осознавали, что в русской мысли существует глубоко укорененная традиция антиправовых предрассудков — традиция, которую они хотели преодолеть и от которой они отталкивались в своих попытках отстоять ценность права и правовой культуры. С другой стороны, истинность этого взгляда становится относительной, так как выяснение мощи и высокого уровня интеллектуальной оппозиции господствующему традиционному недоверию по отношению к праву меняет общее представление о достижениях русской дореволюционной мысли. Кроме того, более близкое изучение традиционных русских антиправовых взглядов в первой главе моей книги приводит к выводу, что не следует преувеличивать их специфически русские черты. Враждебное

или по крайней мере глубоко подозрительное отношение к рациональному правопорядку можно в большей или меньшей степени обнаружить во всех отсталых и периферийных обществах, а особенно в тех, где модернизация приняла вид вестернизации и где поэтому современная правозаконность представляется враждебной их самобытной культуре и свойственной только Западу. В дореволюционной России такая тенденция была, вероятно, особенно выразительна. Но справедливо ли приписывать это природной вражде между русским характером и духом законов? Мое отношение к этому скорее скептическое. Более пристальное изучение русской мысли девятнадцатого века показывает скорее, что во многих случаях характерная для нее антиправовая настроенность имеет западное происхождение. Русские мыслители находились под сильным влиянием западной критики капитализма — и слева и справа, и вполне естественно, что это лишь усиливало их антилиберальные и антиправовые предрассудки. Это было одним из трагических последствий отстающего развития России.

Традиция негативного отношения к закону еще жива среди русских. Солженицын, величайший русский писатель современности и активный пророк русского морального возрождения, в духе славянофильского неприятия закона говорил о “юридической форме существования”, типичной для Запада¹. Но были и другие голоса, звучавшие и в Советской России, и в русской диаспоре. В действительности же даже позицию Солженицына не следует считать однозначно враждебной по отношению к праву и другим либеральным ценностям. В предисловии к русскому изданию книги Леонтовича “История либерализма в России” он подчеркнул ценность гражданских прав, гарантированных законом, особо выделяя их фундаментальное значение для человеческой свободы. Правда, он также противопоставил их *политическим* правам, особо отмечая, что свободе как активному участию в политике должны предшествовать завоевание и *защита законом* тех прав человека, которые не являются собственно политическими². Но это уже выходит за рамки славянофильской традиции. Тот взгляд, что индивидуальная свобода под властью закона более важна, чем суверенитет народа, вполне совпадает, конеч-

¹ Солженицын А. И. Расколотый мир. Речь в Гарвардском университете 8 июня 1978 // Новый журнал. Т. 131. 1978. С. 307–310.

² Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762–1914. Париж, 1980. С. iii–iv.

но, с идеями либерализма (в европейском смысле этого слова). Как мы увидим далее, позиция Солженицына в этом вопросе очень схожа с позицией Бориса Чичерина, стойкого защитника классической либеральной концепции права и заклятого врага славянофильского антилиберализма.

По многим причинам можно полагать, что представленные в этой книге идеи русских либеральных философов права могут быть соотнесены с проблемами современной России. Они заслуживают серьезного внимания в текущей дискуссии о будущем России.

Хочется думать, что предмет этой книги может представлять некоторый интерес *не только* для людей, интересующихся Россией. Шесть мыслителей, представленных в этой книге, прекрасно осознавали кризис правовых идей и общий кризис либерализма — и этот кризис все еще не преодолен. Поднятые ими проблемы часто очень схожи с нашими, и вполне резонно предполагать, что их идеи будут интересны не только для исследователей развития общественной мысли или историков России, но также для правоведов и политологов, что они достойны изучения всеми, кто занимается судьбами либерализма и правовой культуры, местом либеральных ценностей в современном мире.

Мой анализ этих идей подтверждает, что “современные тенденции в сфере права и современный кризис правовых идей заключаются в полуосознанной конфронтации трех великих парадигм общественной идеологии, общественной организации, права и управления. Каждая из них дает сложный, но в итоге цельный образ человека, социальных институтов и их места в обществе”. Эти три парадигмы: парадигма “*Gemeinschaft*, или органическая общинно-семейная, парадигма *Gesellschaft*, или контрактная торгово-индивидуалистическая, и парадигма административно-бюрократическая”¹. В соответствии с основ-

¹ *Kamenka, Eugene and Tay, Alice Erh-Soon. Social traditions, legal traditions // Law and Social Control / ed. E. Kamenka and A. Tay. L., 1980. P. 7. См. также: Kamenka, Eugene and Tay, Alice Erh-Soon. The Sociology of Justice // Legal Change: Essays in Honour of Julius Stone. Sydney, 1983. P. 107–122.*

Причина, по которой я с готовностью принимаю концепцию трех парадигм общественной идеологии и закона, заключается в том, что я уже использовал типологию *Gemeinschaft–Gesellschaft* в своих предыдущих работах по истории русской мысли. См.: *Walicki A. The Slavophile Controversy. Oxford, 1975. P. 168–178, 265–266; Idem. The Controversy over Capitalism. Oxford, 1969. P. 74–75; Idem. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Oxford, 1980. P. 107–109, 285.*

ной традицией европейского либерализма русские либералы считали, что право типа *Gesellschaft* является максимально приближенным к самой идее права. Они понимали ограниченность законов этого типа, но защищали их как необходимую основу индивидуальной свободы, как гарантию личной неприкосновенности, как средство защиты личности не только от произвола правительства, но и, кроме того, от социального конформизма или морального давления общественных групп. Человеческая личность, как утверждал один из них, содержит “сверхсоциальное ядро”¹, недостижимое для группы; закон защищает эту “недостижимость” от внешнего принуждения со стороны государства, а правовое сознание помогает людям защитить свою моральную автономию и не поддаваться давлению коллектива. С такими взглядами на сущность права легко и естественно отождествить право с основой либерализма, представить верховенство права как основную ценность либерального взгляда на мир.

Русские враги либерализма склонялись к такой же точке зрения на право, к пониманию верховенства права как идеала западного индивидуализма и, следовательно, противостояли ему во имя общинных ценностей, т.е. ценностей *Gemeinschaft*, которые можно интерпретировать с консервативно-традиционалистских, популистских или анархических позиций. С другой стороны, либеральной концепции закона противостояли в России приверженцы бюрократического абсолютизма, верившие в административно-бюрократическое регламентирование и не желавшие подчинить его высшей власти общих правил закона, лежащих вне конкретных целей. В этой схеме противоположностей нет ничего специфически русского. Особенность данной ситуации заключается лишь в том, что либеральная концепция права подвергалась непрекращающимся атакам, что ее сторонников было меньшинство и что ее институциональный оплот, новые судебные органы, был слишком слаб и не защищен ни конституцией, ни исторической традицией страны. И именно поэтому русские либералы так твердо отстаивали высшую ценность права, были так привержены идеалу верховенства закона и так глубоко убеждены в решающем значении закона для политического и социального возрождения России.

В этой книге я не пытаюсь рассказать обо *всех* философских учениях права, которые возникли в России и касались либераль-

¹ См. ниже, гл. VII, часть 4.

ных ценностей. Вместо того чтобы поверхностно рассмотреть всё относящееся к моей теме, я выбрал шесть наиболее выдающихся и представительных мыслителей и детально проанализировал их идеи, представляя их как различные школы философии права и в то же время как различные стадии эволюции либерализма. Несмотря на большие политические различия в их теориях права, у этих мыслителей есть важные общие черты. Все они осознавали общий кризис правовых идей и видели наиболее яркое доказательство тому в господстве правового позитивизма – теории, которую они считали неправильным толкованием самого понятия права, компрометацией профессии юриста, предательством либеральных ценностей. Они обвиняли правовой позитивизм в том, что политическая власть, “суверен”, ставилась им над законом, и таким образом прокладывалась дорога тирании. И хотя они четко отличали право от нравственности, но все же не соглашались с правовыми позитивистами в том, что закон должен быть полностью отделен от морали (поскольку правовые установления, как сказал Кельзен, “могут иметь любое содержание”) и что юриспруденция должна заниматься только позитивным законом, *ius qua iussum*, отбрасывая проблему справедливого закона, *ius qua iustum*¹. Все они пытались разработать теоретическое оправдание субъектных прав человека, которые ограничивали бы политическую власть, в том числе и власть демократического большинства. Все они рассматривали закон в контексте общей, часто метафизической, философии человека и философии ценностей, пытаясь избежать циничного релятивизма, присущего, как им казалось, позитивизму, и найти независимый критерий оценки существующих позитивных законов и законотворчества в будущем. Таким образом, Чичерин и Соловьев предприняли первые попытки возрождения естественного права, которое открыто провозгласили мыслители следующего поколения – Петражицкий и Новгородцев.

Другой их общей чертой было подчеркивание независимости закона от политики, логического и аксиологического первенства правозаконности по отношению к политической свободе. Все мыслители, которым я посвятил отдельные главы этой книги, были заняты построением правовой культуры и защитой ее от чрезмерной политизации. Они однозначно заявляли, что

¹ Лучшая защита правового позитивизма дана в книге: *Maneli M. Juridical Positivism and Human Rights*. N. Y., 1981.

власть закона вполне мыслима без полной политической свободы, но не наоборот; они хотели, чтобы политическая борьба велась в строгих рамках права; другими словами, они делали выбор в пользу общества с установленными правилами — такого, в котором политические решения не могут приниматься произвольно, в котором закон устанавливает правила для политики, а не наоборот. Этот аспект их идей представляется особенно уместным сегодня, поскольку враждебность по отношению к праву, ограничивающему свободу политиков, стала достаточно распространенной среди приверженцев социального планирования, а также тех, кто поддерживает так называемый либерализм групп интереса, понимает политику как сделку и видит в законе лишнее препятствие для свободы принятия политических решений¹.

Следует подчеркнуть, что русские либеральные теоретики гораздо более полно осознавали конфликт права и политики, чем руководство партии кадетов. Это объясняет, почему Петражицкий и Новгородцев — оба они были членами Центрального комитета кадетов — не проявляли особой готовности жертвовать либеральными принципами и долговременными интересами правовой культуры ради чисто политических соображений. Таким образом, они оказались на правом фланге партии, хотя их взгляды на конечные цели были, вероятно, более левыми, чем идеи среднего русского либерала. Эта дихотомия скептицизма по отношению к левой политике и одновременно приверженности левым идеям была еще более поразительна в случае Богдана Кистяковского, который присоединился к критике правыми политизированной русской интеллигенции и в то же время сочувствовал социализму.

Политические и теоретические различия шести философов права отражают различные стадии развития русского либера-

¹ “По крайней мере частично нынешняя враждебность по отношению к закону, — писала Элли Эр-Сун Тэй, — основана на убеждении, что это подчеркивание свойственной юрисдикции беспристрастности, строгого следования правилам, ее нацеленности на разрешение конфликтов вступает в противоречие с социальным планированием и реформированием, что оно защищает наличные и укоренившиеся интересы в ущерб требованиям будущего” (*Tay A. E.-S. Law, the citizen and the state // Law and Society / Ed. Kamenka, Eugene and Tay, Alice Erh-Soon. L., 1978. P. 8*). По теме “либерализма групп интересов” см.: *Lowi T. J. The End of Liberalism: Ideology, Policy, and the Crisis of Liberal Authority. N. Y., 1969*. Согласно Лоуи, “либерализм враждебен по отношению к закону... Либерализм групп интересов не оставляет места закону, так как закон препятствует политическому процессу” (с. 125).

лизма. С этой точки зрения их можно рассматривать как звенья в цепи удивительно последовательного процесса: преобразование классического либерализма, как он представлен у Чичерина, сначала в “новый либерализм”, а затем — у Кистяковского и Гессена — в “правовой социализм”. Тот факт, что основные теоретики права в партии кадетов, Новгородцев и Петражицкий, с готовностью приняли принципы нового, социального либерализма, подтверждает мысль Милюкова о том, что идеология этой партии была “наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы”¹. Возможность перерастания русского либерализма в либеральный социализм давала, в свою очередь, дополнительное доказательство “тесной исторической связи русского либерализма и социализма”². (В этом отношении Чичерин был важным исключением.) Оригинальность концепции “правового социализма”, разработанной Кистяковским и Гессеном, состоит в рассмотрении либерального социализма не просто как расширения демократического принципа народного суверенитета (в его применении к экономической сфере), но, скорее, как более высокой стадии развития специфически либеральной идеи верховенства закона, т.е. как дальнейшего расширения прав человека. Это было не уступкой популистской демократии, а соединением социалистических и классических либеральных принципов, придававших особое значение субъектным правам и защищавших их от всех форм произвола политической власти, включая и неограниченную демократию³. Это было попыткой сохранить либеральные ценности в меняющемся мире путем создания альтернативы растущему контролю и регламентации со стороны правительства. Эта альтернатива — *правовое* регулирование и *правовой* контроль, противопоставленные непосредственно политическому контролю, — заключалась в частичном обобществлении экономических отношений без того, чтобы отказываться от классического либерального принципа ограничения власти правительства.

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 208.

² Ср.: Hamburg G. M. Politics of the Russian Nobility 1885–1905. New Brunswick, NJ, 1984. P. 222.

³ По вопросу “неограниченной демократии” см.: Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. L., 1982, Vol. 3. P. 138–139, 145–146, 172 [см.: Хайек Ф. Закон, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006].

Эта книга — историческое исследование и не претендует на решение теоретических проблем. Она анализирует философские учения права России в сравнительно-историческом контексте, не пытаясь оценить их на чисто теоретическом уровне. Тем не менее я вполне уверен в том, что обсуждаемые здесь проблемы весьма актуальны и сегодня. А если так, то справедливо утверждение, что интеллектуальное наследие русского либерализма должно быть признано злободневным и ценным для нас в настоящее время.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта, изданная в Оксфорде в 1987 г.¹, писалась по-английски в Австралийском национальном университете в Канберре в 1982–1985 гг. Мой интерес к проблематике права в истории русской мысли, и особенно к традициям дореволюционного русского либерализма, не был чисто академическим, оторванным от условий места и времени. Мне казалось, что тема книги важна для прояснения вопроса об оптимальном варианте некоммунистического будущего России – вопроса первостепенной важности не только для самой России и для ее соседей, но и всего мира. Адресатами книги являлись в первую очередь не узкие профессионалы в области правоведения, а интеллектуалы, глубоко заинтересованные судьбой России, умеющие четко отличать “советизм” от “русскости” и свободные от предубеждения против России как таковой. Благодаря довольно частым поездкам за границу (начиная с годовичного пребывания – в качестве стипендиата Форда – в США и Англии в 1960 г.) я имел возможность завязать многочисленные контакты с людьми такого типа. Все они приветствовали мое желание использовать относительную свободу, полученную польской интеллигенцией в переломном 1956 г., для добросовестного изучения наследия русской мысли, очищения его от идеологических схем и прямой фальсификации и содействия таким образом преодолению холодно-военного образа России как страны, естественным образом породившей коммунистический тоталитаризм и органически неспособной к либеральной демократии. Наибольшую нравственную поддержку оказал мне знаменитый историк идей и теоретик либерализма сэр Исайя Берлин из Оксфорда, который стал моим личным другом. Он помог мне издать в Англии мои первые книги о русской мысли², а в 1980 г. позаботился о приглашении меня на

¹ *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford: Clarendon Press, 1987. Второе издание в мягкой обложке: Notre Dame-L.: University of Notre Dame Press, 1992.*

² *Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford: Clarendon Press, 1969; Idem. The Slavophile Controversy. History of Conservative Utopia in Nineteenth Century Russian Thought.*

долгосрочный университетский контракт в Австралию. Без этого книга, предлагаемая ныне российскому читателю, осталась бы ненаписанной.

Другим либеральным мыслителем, которому книга эта обязана своим существованием, был русский философ-эмигрант, создатель педагогики культуры и концепции так называемого правового социализма Сергей Гессен. С 1935 г. он жил и работал в Польше, поддерживал близкие отношения с моими родителями и интересовался моим интеллектуальным развитием. Именно он в мои гимназические годы ввел меня в философские проблемы русской культуры. Благодаря этому, когда “марксистско-ленинская” реформа университетов в 1949 г. сделала для меня невозможным поступление на философский факультет Лодзинского университета, я охотно поступил на русскую филологию, с намерением заняться философией после хорошего изучения философских идей в русской литературе.

В отличие от Берлина, родившегося в Риге (1909), но получившего образование в Оксфорде и поэтому скептически относившегося к традиции русского религиозного идеализма, Гессен был мыслителем, глубоко проникнутым атмосферой так называемого Серебряного века русской культуры. Небывалый расцвет русского философского идеализма был тогда тесно связан не только с возникновением либерального движения и радикальным разрывом с правовым позитивизмом, но также с возрождением естественно-правовой традиции в понимании права и с борьбой за превращение России в “правовое государство”. Идеи эти, сформулированные “Союзом освобождения” и философски обоснованные в сборнике “Проблемы идеализма” (1902), развивались и применялись к разным вопросам повседневной практики юридическим еженедельником “Право”, издаваемым Иосифом Гессеном (отцом Сергея), его племянником Владимиром Гессеном и проф. Августом Каминкой. Сергей Гессен, еще ребенком читавший корректуры статей для “Права”,

Oxford : Clarendon Press, 1975; второе издание University of Notre Dame Press, 1989; Польский текст этой последней книги был опубликован в Польше под заглавием “W kręgu konserwatywnej utopii” (Warszawa: PWN, 1964), первый перевод появился в Италии: “Una utopia conservatrice. Storia degli slavofili” (Torino: Giulio Einaudi Editore, 1972). В России опубликованы две части этой книги в переводе И. В. Душенко под заглавием “Славянофильство и западничество. Консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого” (Вып. 1–2. М.: ИНИОН, 1992).

часто встречал в редакции журнала таких людей, как Л. И. Петражицкий, В. Д. Набоков, П. Н. Милоков, разговаривал с ними и формировал свои взгляды в диалоге с ними. Позднее, после защиты в Германии докторской диссертации (1909), принял пост одного из редакторов философского журнала “Логос”, что ввело его в круг петербургских философов (А. Введенский, Н. О. Лосский, С. Франк) и поэтов-символистов (А. Белый, И. Э. Метнер) и заставило серьезно заняться мыслью Достоевского и философским наследием В. Соловьева. Обо всем этом он часто говорил со мной в первые послевоенные годы, работая над книгой о философии права, задуманной как своеобразный синтез взглядов Чичерина с теорией Петражицкого и с оригинальным переосмыслением религиозной философии В. Соловьева.

После смерти Гессена (1950) я занимался интеллектуальной историей России без заметного влияния с его стороны, увлекаясь мыслителями, о которых никогда с ним не говорил (Белинский и Герцен, славянофилы, народники). Тем не менее на меня произвел большое впечатление тот факт, что заведующий сектором истории идей Австралийского национального университета, предлагавший мне контракт для написания книги о философии права русского либерализма, был Евгений Каменка, сын эмигранта из России. Мне сразу пришло в голову, что он является, быть может, родственником редактора “Права”, Августа Исааковича Каминки, — и я не ошибся! Сам Каменка не придавал этому большого значения, но мне показалось (затрагивая какую-то иррациональную сторону моей психики), что в этом есть что-то неслучайное и императивно-повелевающее: указывающее, что я обязан принять приглашение, написать эту книгу и посвятить ее памяти моего русского учителя.

Одним из стимулов, возбуждавших мой интерес к дореволюционному российскому либерализму, был глубокий кризис “реально существующего социализма” в Польше, проявившийся в бурной активности “Солидарности” и еще более усилившийся из-за трагического, навязанного извне введения в стране военного положения. Я считал эти события агонией социализма в Польше и в то же время первым столь драматичным проявлением общего кризиса социалистической системы; кризиса, который в той или иной форме дойдет до Советского Союза и поставит на повестку дня вопрос о коренном изменении существующего строя. Неудивительно, что дореволюционный русский либерализм был для меня особенно интересен именно

в этой перспективе: как реакция на продолжавшийся кризис нелиберальной системы и как попытка ответа на вопрос не только о конечной цели либерального движения, но и об оптимальных путях ее достижения.

Ключом к пониманию той традиции русского либерализма, которую я особенно ценил и которой посвящена настоящая книга, было для меня прекрасное слово “право”, означавшее, как известно, не только государственную правозаконность, но также идею “справедливого права” и неприкосновенных прав личности. В таком понимании право есть право, легитимизирующее государство, но стоящее выше него, не сводимое к роли инструмента политики; право, отличное от нравственности, хранящее “непроницаемое ядро личности” (выражение Гессена) от псевдоморального давления коллектива, но в то же время имеющее свое собственно этическое обоснование; право, не выводимое из правил товарного обмена, необходимое для рыночной экономики, но одновременно определяющее границы экономической свободы, не позволяющее ей превратиться в борьбу всех против всех. Право, добавим, исторически развивающееся, но не в сторону “земного рая” социалистов, а в сторону обеспечения всем членам общества “достойного существования”.

Существование в России такой традиции отношения к праву не меняет, конечно, того факта, что дореволюционная русская мысль была пронизана антиправовыми идеями, совокупность которых известна под не совсем точным названием “правовой нигилизм”. Право очень часто понималось в России как нечто специфически западное, привнесенное извне, и отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства. Первая глава этой книги систематизирует эти тенденции, объясняя их не как продукт какой-то извечной “русскости”, но как отражение исторических обстоятельств, в том числе глубокого кризиса либеральной культуры, переживаемого самим Западом в результате разочарования результатами Французской революции. Очевидно, что все это способствовало преждевременному увлечению русской интеллигенции социализмом и оказалось, впоследствии, одной из главных помех на пути развития правовой культуры в России. Была, однако, и другая сторона этого явления, а именно положительное влияние русских критиков права, иногда очень интересных и остроумных, на качество мысли многих русских либералов, на их пони-

мание ключевой роли права в либеральной политической философии. Мыслители, о которых речь идет в настоящей книге, не могли довольствоваться поддержкой той или иной школы; они должны были поставить перед собой задачу реабилитации права с общекультурной, метафизической и религиозной точек зрения. Именно это определяло их значимость в эпоху описанного П. Новгородцевым “кризиса правосознания”, возникшего в результате продолжительного господства правового позитивизма. Мне казалось, что по тем же причинам можно было выдвинуть тезис о чрезвычайной актуальности их идей в период падения “реального социализма” в СССР и странах “советского блока”.

Окончание работы над книгой совпало во времени с избранием на пост генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева. В конце 1986 г. я уже видел основания для надежды, что политика нового лидера ускорит запоздалый, но неотвратимый процесс детоталитаризации СССР, что приведет, в свою очередь, к демонтажу “реального социализма” и отказу от легитимизирующей его коммунистической идеологии¹. Мне хотелось верить, что это может произойти на путях разумной “политики права” (выражение Петражицкого), без опасного разжигания политических страстей и тем более хаотического демонтажа хозяйственных структур.

Из этого видно, что правильное предчувствие “великой перемены” сочеталось у меня с чрезмерным оптимизмом относительно судеб новой, возрожденной России. На самом деле переход России к экономической и политической свободе оказался настолько трудным и разочаровывающим, что само понятие либерализма дискредитировалось в глазах широких слоев населения.

Тем более важно подчеркнуть, что лучшие представители русской либеральной традиции никогда не отождествляли либерализм с неограниченной свободой рынка, ослаблением государственности и неконтролируемым ростом социального неравенства. Напротив: они защищали идею центрального места права в либеральной культуре, обосновывали программу превращения России в правовое государство, заботящееся о честности экономического соревнования и стремящееся обеспечить каждому гражданину “право и достойное существование”.

¹ Первым выражением этих моих надежд была статья в австралийской прессе: *Walicki A. The Prospects for Change. The Soviet Union Under Gorbachev // Age Monthly Review. (Melbourne.) 1986. Nov.*

Книга появилась в оксфордском университетском издательстве в начале 1987 г. В это время я жил уже не в Австралии, а в Соединенных Штатах, занимая специальную кафедру истории идей при факультете истории университета Нотр-Дам в Индиане. В начале 1991 г. я приехал на три месяца в Москву. Это дало мне возможность возобновить старые знакомства и завязать много новых контактов — на этот раз в условиях полной свободы слова и свободы научных дискуссий. Как я мог убедиться, мои работы о русской философской и общественной мысли, и особенно о наследии русского либерализма, вызвали живой и неподдельный интерес, как среди редакторов и сотрудников “Вопросов философии”, так и среди ученых давно мне знакомого Института философии Академии наук. В апреле 1991 г. я прочитал в этом институте, в прекрасном большом зале здания на Волхонке, обширный доклад “Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века”, опубликованный впоследствии в журнале “Вопросы философии”¹. Дискуссия после доклада продолжалась довольно долго и была необычайно продуктивной. Для меня это стало очень важным событием: первый раз в жизни мне довелось обратиться к столь большой и профессиональной аудитории и встретить при этом столь высокий интерес.

Доклад этот был, конечно, кратким изложением моего анализа одной из тем настоящей книги. Среди моих российских коллег возникла идея о переводе и издании всей книги. К сожалению, реализации этой идеи помешали разные непредвиденные и не всегда для меня понятные трудности. Но память об этом проекте сохранилась, время от времени возвращалась и в конце концов пробила себе дорогу к его осуществлению. Всем тем, кто этому способствовал, приношу слова искренней благодарности.

¹ См.: Вопросы философии. 1991. № 8. Мои мысли относительно значения философии права русского либерализма изложены также в статье “Интеллектуальная традиция дореволюционной России”, опубликованной в журнале “Общественные науки и современность”, 1991, № 1. О моем личном отношении к дореволюционной русской культуре читатели могут узнать из автобиографической статьи “Россия” (глава из моей книги “Spotkania z Miłozzem” [L., 1985]), опубликованной в “Вопросах философии”, 1990, № 12. Подробное описание моих впечатлений от Москвы 90-х годов и моих контактов с русскими друзьями содержится в моей недавно изданной автобиографии: *Walicki A. Idee i ludzie. Próba autobiografii*. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN, 2010.

Хочется верить, что эта книга, предлагаемая российскому читателю со столь большим опозданием, в научном отношении еще не устарела. Особенно важна для меня уверенность в непреходящей актуальности ее главных идей: ключевой роли права в либеральной культуре, значительности интеллектуальных достижений многих либеральных мыслителей многонациональной российской империи и, наконец, убеждение в реальной возможности творчески использовать наследие этих мыслителей в деле превращения России в правовое государство.

Анджей Валицки
Варшава, март 2011 г.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru